

Посвящения друзей

Александр Фрейдлес:

Памяти Эдуарда Гольдберга

Известно,
что несправедлива жизнь,
что часто ею правит
злой случай,
что смерть, забрать с собой
желая лучших,
незримой тенью
над людьми кружит.

Уходят все. Как путь печален этот!
Страдание - любовь его вершок.
В тот тёмный час
и он от нас ушёл...
Но на его портрете столько света!

Жил светлый и весёлый человек.
Жил,
не всегда обласканный судьбою,
в согласии он был с самим собою,
- не закружился
в жизненной листве.
Когда служить Поэзии дано,
тем более, как у него, — красиво,
в бокале будет штучного разлива
стихов хмельное искриться вино.

В Ашдод дорога жизни привела.
был на Святую Землю не в обиде,
хоть часто в снах
душевым оком видел
шеренги хат российского села.

Настроив лиру
с сердцем в унисон,
перебирая нити струн тугие,
поэт грустил. Так сладко
с ностальгией
припомнить лет
минувших перезвон.

Он был в годах,
но будет тот неправ,
кто посчитает, -
Эдуард был старым.
Подсказывает память: он с гитарой,
и песен зажигательных игра.

Сражён судьбой
безжалостною влёт,
стал близким
невозвратною потерей, -
в своё жилище не откроет двери,
не встретит щедро, руку не пожмёт.

Ушёл в края неведомых стихий,
и не было тому альтернативы,
но будет жить в сердцах,
пока мы живы,
а в книгах будут жить его стихи.

В который раз
несправедлива жизнь...

Магнолия Молчанова:

★ ★ ★

Душа твоя витает между нами
и хочет с каждым тихо говорить

такими мудрыми и добрыми словами,
и продолжает всем тепло дарить.

★ ★ ★

Возьми частичку моего тепла
и вспоминай, как руки твои грела...
Но ты уходишь по дороге в рай.
Прости, тебя вернуть я не сумела.
Общение духа тонкий мир таит,
и обретёт душа другое тело.
Что встреча там нам всё же предстоит,
мне с тихой надеждой сердце пело.

И вновь с тобой наговоримся всласть.
Там возрождается
божественная связь.

Яков Руппа:

Поэту Гжельского разлива

Из ярких слов он складывал картинки,
и, кажется, что он ещё вчера
читал про грудь ядрёную у Зинки,
и что корове тЕлится пора.

Был голос хрипловатым,
 но не старым,
 и сам такой улыбчивый, земной,
 и подпевала верная гитара
 своей, уже издѣрганной, струной.

Оборвалась струна, как от удара,
на синей гжели – чёрная лоза...
Молчит осиротевшая гитара,
прикрыв свои скорбящие глаза...

Лорд Форштадт:

Памяти Эдуарда

Как понять нам потерю нелепую?
Как слепую тоску заглушить?
Но, как видно, лишь ангелы ведают,
где судьбы разрывается нить.

Мне не пишется и не дышится.
Ты ушёл и оставил свой след.
Под гитару твой голос слышится.
Среди нас ты был лучший поэт!

И друзья скажут слово прощальное,
и каким ты товарищем был,
и зажгутся огни поминальные
среди нам не известных могил.

Эдик, Эдик, как жутко не хочется
без тебя и писать, и творить.
Те прекрасные дни не воротятся.
Как же тяжело без друга мне жить...

Ты так рано ушёл, недосказанный,
жизнь любил ты, но не долюбил,
твое сердце стихами разгадано,
как ты светлой любовью прожил.

И уже не звучат рифмы хлёсткие,
не воспет деревенский досуг...
Ты был ярким поэтом, негромким.
Спи спокойно, товарищ и друг...

Клара Рубина:

★ ★ ★

Он ждал корабль у причала
из дальней северной земли,
где так черёмухи цвели,
где так мечта его качала
на бело-розовых крылах
и где грудастенная Зинка,
гуляющая с ним в обнимку,
была воспетою в стихах.

Где грезил часто о Таити
и таитянках золотых,
упругих, сочных, озорных,
и о Мадонне, тёплой титей
чьей вскормлен был Спаситель наш.
О! пить взахлёб нектар священный
и в запахе купаться пенном –
какой восторг! Какой кураж!

Дан-дан, дан-дан – уходит время –
Земля другая. Юг. ЛитО.
Как понимаете, - не то!
Весомых лет весомо бремя...
Но снова ветер молодой
врывается волной горячей,
и в облаках уже маячит
девичий образ неземной...

Тогда из сердца, из тоски,
через улыбку, через слёзы
стихи рождаются, как грёза...
Но серебром горят виски...

Семён Бабин:***Светлой памяти Эдуарда***

В расцвете творчества и лет
ушёл мужчина и поэт.
Большой и настоящий.
На взлёте прервана строка.
Поэта чуткая рука
струн больше не коснётся,
не дрогнет Эдика щека –
поэт не улыбнётся...

Как почерневшая вдова
гитара молча плачет.
Глотаю горькие слова.
Слова так мало значат.

...Плита могильная... Гранит...
И нет портрета.
Но жив поэт, пока хранит
душа строку поэта.
Её в осенней дрожи
напишут свыше облака:
«Ступени отчего крыльца
и одуванчиков пыльца,
лопух и подорожник»...

Наталья Днепровская:***Эдуарду Гольдбергу***

Как трудно мне поверить в это,
что с нами нет его сейчас.
Закаты будут и рассветы,
а он, как свет свечи, угас.

Он воплощал в своих твореньях
всё то, чем свыше наделён,
свое тепло и вдохновенье
дарил друзьям и близким он.

Возвышенный и человечный,
отцовский выполнив завет,
ушёл, но в памяти навечно
в моей душе оставил след.

Михаил Борсук:

Светлая память

Аккорд не взят. Струна молчит.
И зеркало платком укрыто.
Осиротев, в шкафу лежит,
как птица пулею прошита,
гитара, что любил поэт.
С собой не взял, осталась с нами.
Его на этом свете нет,
он поменял его местами.

Но в мыслях он навечно рядом,
вот-вот откроет эту дверь
и сам войдёт с лукавым взглядом:
- Я ведь не умер. Ты не верь, -
он тихо скажет, сдвинув брови,
как бы боясь нас испугать, -
я не прощаюсь. В жизни новой
без вас так буду я скучать.

Я вас любил. Любовь взаимно
делили с вами пополам.
Здесь неуютно, зябко, зимно.
Теперь я здесь. Без вас. И сам.

Да, разошлись дороги наши.
У вас и у меня – свой путь.
И вместе не споём, не спляшем.
Того, что было, - не вернуть...
Но мы роптать, друзья, не будем.
И каждому – нести свой крест...
Любовь, как жизнь...Цените, люди!
Жить – никогда не надоест...

Рита Цукер:

К нитям памяти твоей...

Я к нитям памяти твоей
нить привяжу свою
и, как бывало, среди друзей
тихонько подпою.

Ты улыбнёшься краем глаз
и под гитару вновь
споешь в охотку, без прикрас,
про Зинку, про любовь.

Про то, как ты за песней шёл
нехоженой тропой,
про ленточки зелёный шёлк,
восторгов непокой,

про юный пыл минувших дней
и сердца теплоту.
Я к нитям памяти твоей
нить привяжу свою....

Эфраим Шприц:*Памяти Э. Гольдберга*

Разрывается сердце от боли,
когда мир покидает поэт...
Он ушёл по бескрайнему полю,
сплился с небом его силуэт.

За изменчивым временем следом
устремился в свободный полёт
или просто над облаком белым
«нити памяти» нашей прядёт.

Александр Перлов:

★ ★ ★

Когда уходят в мир иной,
вдруг понимаешь, что не вечный
ты в этом мире быстротечном,
и перед истиной простой
бессильны все твои попытки
здесь снова молодость прожить,
свой час опять перехитрить,
найти резерв доселе скрытый
для новых дел, для новой битвы.
Постой перед могилой друга,
где вместо друга нынче боль...
Увидишь, что осталось мало
уже отпущенных часов,
что суетиться не пристало,
теряя время вновь и вновь.
Осталось время для раздумий...
Ноябрь стынет на дворе,
под стать погоде в ноябре.
И, как везде, у нас всё то же -
вот он ушёл, и память гложет:

мол, не успел я, как же так,
не досказал и не отметил,
его обиды не заметил,
порой, сославшись на пустяк.
Молчит могила, дождь идёт,
ноябрь всё-таки... и что же?
Что здесь меня сегодня гложет,
всё не уложится никак
в строку короткую на память...
Он жил, он был. Прости же, друг,
я понимаю это вдруг.

★ ★ ★

Не странно ли,
что мы не вечны здесь -
приходит время, и уходит время
в загробный мир, в объятия небес,
оставив на земле преодоление
и тлен в могилах

в памяти людской.
Мол, этот был не рыба и не мясо,
а этот, вообще, коптил напрасно
здесь небеса, в согласии с судьбой.
А этот был герой. И все согласны
по части прав, где сотворялся бой.
Куда, друзья, здесь отнести поэта?
Он странным был,

теперь же он ушёл.
Он жил, как мог.

Как мог, искал ответы -
нашёл стихи, ответов не нашёл.
Слова, слова – молчит его могила,
молчит гитара, вмиг осиротев.
А над могилой муза вместе с лирой
поют ему осанну нараспев.

